

Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака

ТИМУР
АТНАШЕВ

Позднесоветская историография – одно из привилегированных полей, где можно проследить эволюцию роли публичной речи и отношения к официальной идеологии с момента смерти Сталина до самороспуска страны в декабре 1991 года. В ставшей классической книге «Это было навсегда пока не кончилось» Алексей Юрчак предложил модель *перформативного сдвига* в использовании официального дискурса в позднесоветский период, включая в него время между рубежом 1940–1950-х и началом перестройки¹. Это долгосрочное и глубокое изменение в субъективном отношении последнего советского поколения к идеологии призвано объяснить структурные условия, в которых перестройка и неожиданный быстрый распад СССР стали возможны. Отталкиваясь от ряда ключевых аргументов и понятий книги, я постараюсь дополнить общую конструкцию функционирования публичного дискурса в нескольких аспектах².

Антропологический подход Юрчака во многом задает выбор кейсов, которые представляют взгляд (не)типичного советского гражданина последнего поколения на идеологию как бы «снизу». Основное внимание уделено рецепции, переинтерпре-

Тимур Атнашев (р. 1975) – историк, специалист в области интеллектуальной истории, работает в Московской высшей школе социальных и экономических наук.

- 1 YURCHAK A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press, 2006. Далее цитаты даются по русскому изданию: ЮРЧАК А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- 2 Как убедительно показывает Александр Беляев в предисловии к первому русскому изданию книги, оригинальный ракурс и новизна исследования способствовали максимально положительной рецепции. А основные критические замечания связаны с неприятием антропологического подхода Юрчака или выбора предмета изучения: «Согласно одному типу критики, субъекты или явления, исследованные в данной книге, не относятся к “репрезентативной выборке”, то есть в ней анализируется слишком узкий или слишком “ненормальный” срез населения. Согласно другим замечаниям, автор книги в своем анализе некритично пользуется категориями, заимствованными у самих информантов (сюда относятся, например, категории “нормальный человек”, “нормальные люди”, “свои” и так далее), то есть подменяет аналитические категории исследователя этнографическими высказываниями информантов» (БЕЛЯЕВ А. *Взгляд антрополога на книгу Алексея Юрчака* // ЮРЧАК А. *Указ. соч.* С. 14). Ср. также другие рецензии: GANGULI L. *Book Review. Alexei Yurchak, Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation, Princeton University Press, 2006, 352 pp.* // *International Journal of Communication*. 2007. № 1. P. 51–53; ГОЛУБЕВ А. *В поисках вневходимости*. Рец.: Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение* // Историческая экспертиза. 2015. № 1. С. 13–23; КОРМИНА Ж. *Рец. на кн.: Алексей Юрчак. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО, 2014. 664 с. // Антропологический форум.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

тации и освоению официального дискурса активным потребителем последнего поколения. Я не буду касаться этой важной и, возможно, центральной части работы. При этом вторая глава книги специально посвящена описанию модели производства официального дискурса в ситуации после исчезновения центральной фигуры хозяина метадискурса. Я постараюсь на примере позднесоветской историографии показать, что как минимум в течение двадцати лет после смерти Сталина вокруг потенциально пустого места хозяина публичной речи шла активная интеллектуальная, публичная и административная борьба. Мне представляется, что для более адекватного и полного понимания как антропологических изменений постсталинского периода, так и перестройки важно дополнить оптику перформативного сдвига встречной интерпретацией, которая обращает внимание на значимость констатирующих актов и методологически исходит из логики языкового реализма и рационального дискурса, понятой в духе скорее близком Квентину Скиннеру, Томасу Куну и Юргену Хабермасу, чем Клоду Лефору и Жаку Деррида. Такая интерпретация расширяет исследовательское поле зрения за счет (а) внимания к полю производства дискурса; (б) альтернативного взгляда на перформативность; (в) включения двух других поколений.

Британский антрополог Кэролайн Хэмфри предложила полемическую встречную интерпретацию (что соответствует пункту «а») и сделала акцент на биографии Георгия Смирнова, «творческого бюрократа»³. Я хотел бы продолжить и усилить эту линию аргументации другими кейсами и теоретическим уточнением о типах перформативности, а также добавить к ней поколенческое измерение. Философ, академик, аппаратчик и руководитель группы консультантов при ЦК КПСС Георгий Смирнов (1922–1999), как и многие другие творческие герои этой статьи, принадлежит к поколению «шестидесятников» – то есть людей 1918–1935 (и 1940-го) годов рождения. За их спинами на руководящих постах в позднесоветский период часто стояли закаленные представители первого (или, как его называют, «революционного») поколения 1900–1917 годов рождения.

В качестве рабочей гипотезы я предполагаю, что амбициозные ученые, сотрудники партийного аппарата и высшие партийные функционеры, в основном принадлежавшие к двум более старшим советским поколениям, участвовали в открытой конкуренции за право определять границы разрешенно-

2015. № 26. С. 209–220; Платт К.М.Ф., Натанс Б. *Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось»* // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 167–184.

3 HUMPHREY C. *The «Creative Bureaucrat»: Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse* // Inner Asia. 2008. № 10. P. 6.

го и истолковывать актуальные идеологические приоритеты, предлагая новые языковые формы и понятия⁴. Действительно, никто больше не мог убедительно претендовать на статус единого мастера, так что борьба за возможность скорректировать курс и продвинуть свою повестку велась внутри этого достаточно узкого, но неоднородного сообщества. К бюрократам Кэролайн Хэмфри я хотел бы добавить ученых-историков, многие из которых в этот период были достаточно самостоятельными мыслителями – и общественными деятелями *sui generis*.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ ФОРМЫ VS. ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Логика этой борьбы за производство авторитетного дискурса может быть понята с помощью другого значения *перформативности* речи: перформативности как намерения авторов оказать рациональное и риторическое воздействие на поведение, речевые конвенции и высказывания других авторов. Для Скиннера речевые ходы и инновации позволяют наиболее виртуозным авторам изменять общий язык и конвенции согласно своим намерениям⁵. Хабермас показывает, что в постметафизическом интеллектуальном контексте постоянный живой обмен аргументами и их оспаривание с разных сторон позволяет производить согласие без наличия выведенной за рамки дискурса метафигуры⁶. Наконец, Кун указывает на важность как разделяемой сообществом ученых парадигмы, так и аномалий, которые заставляют через кризисы приходиться к лучшим моделям описания реальности⁷.

В каждом из трех подходов сочетание критического оспаривания (инновации) и апелляции к конвенции (традиции, парадигме, узусу) работает без внеположенного авторитета через делиберативную рациональность и разумную способность сопоставления речи и действительности. Каждое высказывание при этом обладает перформативной силой в отношении поддержания или изменения языковых конвенций, представлений

4 Как пишет Хэмфри: «В качестве публичного он [официальный язык] являлся монолитным и однородным. Но [...] процесс, ведущий к такой монолитности, часто был конфликтным и всегда напряженным, и за подразумеваемое значение текста велись битвы» (Ibid. P. 6).

5 См. обзор в: *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Ред. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

6 О возможности совмещения подходов Хабермаса и Скиннера см.: Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. *Двести лет опыта. От буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

7 Этот подход продуктивно и системно применяет Роджер Марквик: MARKWICK R. *Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974*. Basingstoke: Palgrave, 2001.

ТИМУР АТНАШЕВ
МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

других людей о фактическом положении дел и изменения намерения ответных действий. Перформативный характер речи в этом втором смысле нацелен на взаимодействие с другими в заданном наборе фактических обстоятельств (положений дел, фактов) и при наличии хотя бы отчасти разделяемого с другими словаря или репертуара значений слов.

Если дополнить и несколько скорректировать модель Юрчака предлагаемой мной конструкцией, можно сказать, что формы дискурса, воспринимаемые *последним советским поколением* в качестве обязательных для исполнения ритуалов (которые можно при этом достаточно свободно наполнять своим содержанием и смыслами), для сообщества конкурирующих друг с другом производителей дискурса *первого революционного поколения* и для среднего поколения «шестидесятников» представлялись сложным полем интеллектуальной и политической полемики и борьбы за определение реальной повестки. В этой схватке некоторые игроки могли одолеть и даже бюрократически «отменить» других игроков, но никто не мог сделать этого по своему усмотрению, и никто не обладал монополией на произвольное наложение санкций и тем более – на насилие, не прибегая хотя бы отчасти к *риторическим* и *содержательным аргументам*, убеждая третью сторону⁸.

Формы дискурса, воспринимаемые *последним советским поколением* в качестве обязательных для исполнения ритуалов, для сообщества конкурирующих друг с другом производителей дискурса *первого революционного поколения* и для среднего поколения «шестидесятников» представлялись сложным полем полемики и борьбы за определение реальной повестки.

Особая роль, которую играла советская историография в публичной сфере и сфере производства инноваций в официальном дискурсе, связана с провозглашением собственного извода марксистской историософии в качестве единственной и научной идеологии ВКП(б) и затем КПСС – в сочетании с тотальной предварительной цензурой и репрессиями против несогласных. После короткого периода бурных партийных и научных дискуссий, с конца 1920-х, историческая наука находилась под

⁸ Именно фактическая силовая монополия давала Сталину метапозицию и заставляла других так трепетно относиться к его речи, но даже этот мастер подковерной борьбы прибегал к перформативной силе высказываний и риторики.

пристальной личной опекой сначала лидера партии и его подручных, а затем под многоуровневым контролем специализированной бюрократии партийных органов. Тем не менее в какой-то момент советские историки (убежденные сталинисты в начале своей карьеры) предприняли масштабную попытку перехватить влияние. На этом примере мы можем проследить последовательность нескольких этапов в трансформации одного из важнейших аспектов всей системы идеократического устройства СССР; а именно постепенную утрату политическим руководством идеологической инициативы, временную бюрократизацию этой функции и ее последующий частичный возврат в руки нового партийного лидера в 1985 году.

В задачу настоящей статьи не входит описание эволюции советской исторической науки или ее ревизионистского крыла за этот тридцатилетний период. В настоящем тексте я хотел бы указать на центральное значение одного момента в этой эволюции, который позволит уточнить – и отчасти оспорить – модель Алексея Юрчака. Речь пойдет о моменте, когда концептуальный поиск новых подходов в советской историографии обозначил намерение нескольких историков самостоятельно и «творчески» обновить советскую идеологию в 1960-е. Как показывает внимательный и глубокий исследователь этого феномена Роджер Марквик, в этот период произошла смена *научной парадигмы*, за которой стояли концептуальные и политические амбиции целой плеяды ученых-«шестидесятников» в отечественной историографии⁹. После окончания Великой Отечественной войны Михаил Гефтер и Павел Волобуев – два ярких лидера этого направления – прошли одновременно очень близкий и очень разный путь от искреннего сталинизма к ленинскому ревизионизму и затем к собственной, но вполне марксистской, методологии и историософии. В самом конце 1960-х и в 1970-е, проиграв в борьбе с более сильными конкурентами, оба были изгнаны со своих уже достаточно высоких позиций и были вынуждены на десять лет прекратить публиковаться. По сути, речь идет о политическом интеллектуальном предприятии, которое встретило административный и политический отпор со стороны других игроков.

Неудачный исход этих коллективных (и одновременно глубоко личных) попыток предложить обновленную марксистскую и ленинскую интерпретацию всего хода советской и мировой истории до и после социалистической революции в начале застойных 1970-х казался предсказуемым и необратимым. Однако он не стал последней точкой в истории. Горбачевская перестройка продолжила этот ранний ревизионистский импульс, следст-

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

9 MARKWICK R. *Op. cit.*

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

вием чего стала несколько наивная серьезность отношения ученых и части высшего руководства к советскому марксизму (и научному знанию в целом) как основе для больших реформ. Вытесненные на периферию или в подполье идеологи неожиданно оказались мастерами дискурса в период перестройки: на их историософском языке стали писать многомиллионные газеты и толстые журналы. Я хотел бы противопоставить эту бинарную серьезность и искренность в позднесоветской историографии гуманистическому релятивизму Юрчака, обратившего наше внимание на игровой или небинарный тип отношения позднесоветских людей к формулам официальной идеологии.

Судьба и влияние двух видных историков-ревизионистов, чьи карьеры во многом перекликаются и переплетаются в течение их жизней, дают очень ценный исходный материал для частичной ревизии трактовки Юрчака и дополнения ее вниманием к претендентам на гегемонию в официальном дискурсе, которые представляли два других больших советских поколения – и по отношению к которым последнее советское поколение накануне и во время перестройки было реципиентом. Такое дополнение к модели Юрчака поможет ответить на новые вопросы. В какой мере интеллектуалы и представители позднесоветского политического режима перестали относиться к официальной идеологии *всерьез*? Насколько перестройка и последующий распад Советского Союза были обусловлены перформативным сдвигом, переводящим политическое содержание в режим индивидуальной творческой игры с ритуальной формой или же перформативной попыткой содержательного *возрождения идеологии*?

ОПИРАЯСЬ НА АЛЕКСЕЯ ЮРЧАКА

Блестящая и новаторская работа Алексея Юрчака, безусловно, помогает понять последнее советское поколение, или поколение «семидесятников» (взятое в широком смысле), и его отчасти циничское, отчасти эскапистское мировоззрение как один из важнейших ключей для понимания позднесоветского периода в целом. Благодаря перформативному сдвигу в речевых актах советских граждан, переставших выражать или констатировать их реальную оценку значения этих высказываний, постепенно формируются различные социокультурные пространства вневходимости, в которых расцветают множество удивительных цветов. Официальные ритуалы и официальный дискурс, лишенный претензии на содержательное описание мира и воплощение убеждений людей, оказываются защитным панцирем от вмешательства властной иерархии и от угрожа-

ющей тени тотального контроля и террора. Антрополог берет в качестве точки отсчета для своего исследования парадоксальное сочетание полной неожиданности распада страны для обитателей СССР – и удивительной легкости признания его «закономерности и неизбежности» теми же самыми людьми после 1991 года¹⁰. Система обнаружила встроенную хрупкость и глубокие трещины в, казалось бы, монолитной конструкции, которые Юрчак осмысляет как последствие перформативного сдвига в идеологии.

С методологической точки зрения концепция Алексея Юрчака исходит из задачи указать на структурный дефицит бинарных интерпретаций позднего социализма в парах *свобода – несвобода, подавление – сопротивление, правда – ложь, истинное лицо – маска*. Представления о *Homo Sovieticus*, в формулировках Франсуазы Том или Франка Элиса (более поздние и эмпирически фундированные построения Юрия Левады и его коллег в этом смысле требуют отдельного рассмотрения, но в целом могут быть включены в этот ряд) строились на гипотезе, что советские люди живут в несвободной системе, где их субъектность и способность к автономной воле подавлены. Для этих авторов публичная жизнь и внутренний мир советского обывателя или карьериста были наполнены либо ложью и двуличием, либо пустотой ритуала – в системе подавления живой человек не мог оставаться нормальным и не мог разделять бесчеловечные (а по сути, лишь не европейские) официальные ценности и практики СССР. Споря с этой «черно-белой» и колонизаторской моделью, исключающей реальный опыт советской повседневности, Юрчак утверждает, что разделение советских людей на конформных лоялистов и немногих героев-диссидентов упускает реальную сложность и многоцветье социальной материи:

«Смысл многих культурных явлений советской жизни, включая те, которые были официально разрешены и которые власть могла даже сама пропагандировать, подчас сильно отличался от буквального смысла партийных выступлений и программ, а порой им противоречил. Советская реальность была намного амбивалентнее и парадоксальнее, чем она предстает в сегодняшних бинарных описаниях»¹¹.

На смену парадигме «холодной войны» Юрчак предлагает новую небинарную перспективу и альтернативный академический язык, который может помочь точнее понять не только позднесоветскую действительность. Предлагаемая альтернати-

10 «Вдруг оказалось, что, как это ни парадоксально, советские люди были в принципе всегда готовы к распаду советской системы, но долгое время не отдавали себе в этом отчета» (Юрчак А. *Указ. соч.* С. 34).

11 Там же. С. 41.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

ва призвана одновременно регуманизировать простого советского субъекта в его способности к автономии и творчеству. Как представляется, эти две задачи антропологическая программа Юрчак решила с наибольшей убедительностью, одновременно открыв новое исследовательское поле.

Другой авторский ход связан с указанием на структурное сходство государственного социализма с западными демократиями в том, что касается сложности установления легитимной истины в дискурсах о конечных политических отношениях (он описывается как «парадокс Лефора»). Также Юрчак указывает на сходство защитных реакций позднесоветских людей на советскую идеологию и современных реакций в глобальном мире на распространение эконоцентричной системы неолиберализма¹². Я хотел бы чуть подробнее и критически рассмотреть аргумент о структурной проблеме легитимации общественно-политических институтов через отсылку к объективной истине. Согласно Лефору, источником легитимности политического дискурса в современных государствах, в конечном счете, оказывается скрытая под маской очевидности фигура хозяина дискурса. Господствующая фигура находится за пределами дискурса, то есть не может быть оспорена.

Юрчак применяет парадокс Лефора к советской идеократии, как бы стирая разницу между ней и западными демократиями: сначала советский революционный авангард, а затем Сталин играли роль контролирующей инстанции, производящей метадискурс. Однако после смерти диктатора, который лично вмешивался в редактуру художественных произведений или в значимые публичные дискуссии (в диапазоне от литературы и кинематографа до марксистской историософии и исторической лингвистики), советский официальный дискурс сохраняет господствующее положение, но теряет хозяина. Больше некому поправить ошибку в интерпретации, высказаться о новом, ранее не обсуждавшемся классиками вопросе или предложить творческое развитие доктрины. Юрчак пишет:

«Исчез не просто конкретный субъект, занимавший внешнюю позицию по отношению к идеологическому дискурсу, но и вообще сама возможность занимать такую позицию по отношению к идеологическому дискурсу. Внешней, внеидеологичной позиции не стало как таковой. С исчезновением господствующей фигуры, стоящей вне идеологического дискурса, исчез и метадискурс, который ранее осуществлял публичную оценку идеологических высказываний и репрезентаций на предмет их соответствия или несоответствия объективной истине... В результате этой реорганизации [всего дискурсивного режима социализма] постепенно

12 Там же. С. 47.

становилось важнее воспроизводить точную структурную форму идеологических высказываний и ритуалов, чем слишком подробно вдаваться в их буквальный смысл»¹³.

В этой связи, советская доктрина с конца 1950-х превращается в «авторитетный дискурс», который не предполагает внутреннего согласия с собой или соответствия речи и реальности, но требует от людей лишь признания себя «как единственно возможным». Уполномоченные во властной иерархии пользователи «авторитетного дискурса» (Бурдьё) в позднесоветском контексте, когда отсутствует диктатор-диктор, теряют уверенность «в том, насколько форма их собственных текстов и высказываний соответствует верной идеологической модели». Стратегическим ответом партийных руководителей, идеологов и ученых на неопределенность, по Юрчаку, становится повторение, стандартизация и бесконечные цитаты с буквальным сохранением формы как единственной гарантии верности.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

МЕТАДИСКУРС И ДИАЛЕКТИКА ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Я постараюсь показать, что в этой объяснительной схеме производства дискурса без метадискурса пропущен один важный исторический и логический этап коллективного и индивидуального творчества, нацеленного на обновление или утверждение нового канона. Неудача множества ревизионистских проектов не была неизбежной, хотя и вероятной. А сама стандартизация и нормализация неуклюжего бюрократического языка возникла в ходе борьбы между инноваторами и более осторожными идеологами, претендующими на первенство и равно принимавшими марксизм всерьез, как реакция на эту борьбу. Консерваторы не меньше инноваторов претендовали на контроль за дискурсом и боролись за утверждение новых, пусть и «нелиберальных», идеологических формул.

Опираясь на Батлер и Деррида, Юрчак показывает потенциально бесконечную открытость «семиотической составляющей перформативной силы конвенциональных высказываний»¹⁴. Комсомольцы, учителя, музыканты, рабочие и партийные деятели учатся изготавливать и почти незаметно для окружающих вливать в доктринальные старые меха новое вино по собственному вкусу. Именно здесь автор видит структурный слом господствующих норм и политической системы в целом, без массового и открытого им сопротивления. Эта динамика, вероятно, точно характеризует последнее советское поколе-

13 Там же. С. 52.

14 Там же. С. 67.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

ние, но такая перформативная антропологическая модель всего позднесоветского периода упускает еще несколько важных аспектов, которые можно проанализировать с помощью описанной выше другой перформативной модели. Это модель языка как средства содержательного взаимодействия и воздействия друг на друга, а также критического изменения ранее сложившихся конвенций через рациональное и риторическое оспаривание аргументов и инноваций.

Во-первых, такое прочтение перформативного лучше помогает понять жизненный мир и общественную деятельность предшествующего поколения «шестидесятников», старшими представителями которого, в частности, были Михаил Гефтер (1918–1995), Павел Волобуев (1923–1997) или помощники последнего генерального секретаря Анатолий Черняев (1921–2017) и уже упоминавшийся Георгий Смирнов, о котором писала Кэролайн Хэмфри. Как представляется, попытки описать происходящее в СССР в терминах теоретического языка Жака Деррида и Джудит Батлер, языка, укорененного в западном культурном контексте с присущими именно этому контексту конфликтами и противостояниями, уводят наше внимание от специфики собственно советской ситуации, где в 1960-е развивается вполне еще «модерная» конкуренция интеллектуальных проектов обновления официальной доктрины. Новые веяния в историографии, возникновение социологии и других общественных наук явно указывают на людей¹⁵, которые относились к *констатирующей* составляющей официального дискурса всерьез и имели намерение влиять на него – предлагая новые термины и радикальные изменения в общем мировоззрении, апеллируя к новому опыту и фактам, противопоставленным догмам.

Для более адекватного и целостного осмысления
позднесоветского периода и структурных условий
перестройки необходимо уделять внимание
диалектике носителей разных типов отношения
к официальному дискурсу.

Во-вторых, для более адекватного и целостного осмысления позднесоветского периода и структурных условий самой перестройки необходимо не только включить в поле зрения еще два поколения (и два условно соответствующих им антропологических слоя), но и уделять внимание *диалектике*

15 Например: Владимир Ядов (1929–2015), Борис Грушин (1929–2007), Юрий Левада (1930–2006); Георгий Шахназаров (1924–2001); Георгий Щедровицкий (1929–1994).

(включающей отталкивание и взаимное влияние, дополнение) носителей разных типов отношения к официальному дискурсу. Полная картина идеологического «производства и потребления» в 1953–1984 годах включает первое советское поколение, поколение «шестидесятников» и «последнее советское поколение», в определении Юрчака. Конечно, личные установки множества их представителей выходят за эти условные поколенческие стандарты. И что еще важнее: естественным образом все это время происходил процесс столкновения, притирки и борьбы между представителями разных поколений как разных типов отношения к дискурсу и их частичная взаимная контаминация.

Ключевые позиции в позднесоветском обществе, и особенно в высшем руководстве страны, занимали пожилые уже люди первого советского поколения, выжившие и победившие в конкурентной борьбе в ходе революции, голодных лет, террора, войн и радикальных экспериментов. К ним относились влиятельные в позднесоветский период сталинские выдвиженцы: член Политбюро ЦК КПСС, ответственный за идеологию, Михаил Сулов (1902–1982); проректор Высшей партийной школы при ЦК КПСС по научной работе, а затем заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК Сергей Трапезников (1912–1984) и специалист по новейшей истории, академик Исаак Минц (1896–1991). Хотя об успешно переживших революционные бури деятелях этого типа нам все еще известно недостаточно много, в их натуре можно предположить наличие большой осторожности, тактической хитрости и глубинного догматизма. Герои же данной статьи – Михаил Гефтер и Павел Волобуев – представляют собой пример серьезного («модерного») отношения следующего поколения к идеологии. Вступая в сложные отношения – отношения одновременно преемственности и отталкивания – со своими предшественниками, они в итоге сыграли важную роль в формировании нового, перестроечного, но продолжавшего оставаться марксистско-ленинским, дискурса. Из этой точки можно задать вопрос для будущих исследований: уместно ли говорить о первом поколении как о хранителях представления о важности самой верности догмам без четкого понимания их конкретного содержания (очевидно, именно такой тип мог быть наиболее адаптирован к бурным тридцати годам после 1917 года), тогда как «шестидесятники» были больше нацелены на содержательный плюрализм, инновации и рациональное оспаривание?

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

НЕЛИНЕЙНЫЕ КАРЬЕРЫ ИСТОРИКОВ, ИЛИ МАРКСИСТЫ НА РАСПУТЬЕ

Сходство в жизни и карьере двух историков, которые внесли значительный вклад в формирование общественно-политического языка перестройки, поразительно, что во многом объясняется принадлежностью к одному поколению людей, родившихся сразу после революции. Закончив школу, Михаил Гефтер и Павел Волобуев поступают на недавно созданный тогда исторический факультет МГУ. Война застает Гефтера с дипломом историка и в должности комсомольского вожак, Волобуев не успевает доучиться. Оба уходят на фронт (в 1941-м Гефтер недолгое время был командиром студенческого батальона, в составе которого Волобуев участвовал в строительстве укреплений под Смоленском), оба были серьезно ранены. Гефтер и Волобуев вступают в партию в двадцать с небольшим лет и в это время считают себя верными сталинистами. После войны они продолжают учебу и затем начинают успешную научную карьеру¹⁶.

И здесь еще одно важное пересечение: оба становятся учениками видного историка и педагога (имевшего, впрочем, репутацию и мастера закулисной административной интриги) Аркадия Сидорова (1900–1966). Еще до войны, первый год которой он провел на фронте, Сидоров занимал серьезные научные и административные должности в МГУ и Институте АН СССР. После войны его карьера стремительно набирала обороты. Один из активных участников погромной «кампании по борьбе с космополитизмом», приведшей к увольнению академиков Минца и Деборина (1881–1963) (а также несколько позже редактора «Вопросов истории» Эдуарда Бурджалова), Сидоров в то же время настаивал – что было редким в позднесталинскую эпоху – на принципиальной важности архивной работы и серьезного внимания к теоретическим вопросам¹⁷. Вероятно, эти фундаментальные установки он унаследовал от своего учителя Михаила Покровского, в свое время «главного марксистского историка», чье влияние – уже после его смерти в 1932 году – было уничтожено историком-самоучкой Сталиным. «Краткий курс» стал венцом победы Сталина, сумевшего навязать свое видение истории в качестве единственно возможного. В терминах Юрчака, политик стал всесильным мастером метадискурса.

16 Кожокин Е.М. *О значении неполитического лидерства, или Михаил Гефтер* // Труд и социальные отношения. 2014. № 2. С. 3–13. *Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым* // Академик П.В. Волобуев. *Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи*. М.: Наука, 2000.

17 «Сидоров требовал от своих учеников следовать исторической правде, добросовестно работать над источниками, быть самостоятельными в своих выводах. Позднее, когда собирались у Аркадия Лавровича, он говорил: “Плох будет тот учитель, который боится, что ученики превзойдут его”. Это было его кредо» (*Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым*. С. 20).

Однако, как мы увидим, ученики ученика Покровского в конечном счете взяли символический реванш в этой большой схватке. Помимо наших двух героев, среди студентов «школы Сидорова» были Арон Аврех (1915–1988), Андрей Анфимов (1916–1995), Валерий Бовыкин (1927–1998) и его любимый ученик Константин Тарновский (1921–1987). В целом можно говорить, что Аркадий Сидоров был одним из ключевых идеологов и организаторов советской постсталинской историографии; в частности, инициатором и соавтором более десятка много-томных коллективных изданий. Но, вероятно, самым ценным в наследии буквально обожаемого учениками Сидорова был тот редкий сплав теории и архивной работы, верность которому поможет Гефтеру и Волобуеву серьезно трансформировать официальную советскую историческую науку. В каком-то смысле ими даже был поставлен под вопрос непоколебимый ранее догмат об объективных закономерностях истории – догмат, чье господство слишком часто обеспечивалось манипулятивным отношением к фактам.

В рубежном 1953 году оба молодых историка защищают кандидатские диссертации. В начале 1956-го на XX съезд КПСС Никита Хрущев разоблачает «культ личности». Сталинские преступления ставят перед советской гуманитарной интеллигенцией и руководством страны большой вопрос: как в марксистско-ленинских терминах объяснить столь трагическое искажение идеалов социализма после *объективно неизбежной* победы октябрьской революции? Последовавшее после Второй мировой войны крушение мировой колониальной системы привело к возникновению новых социалистических режимов там, где монополистический капитализм еще явно не успел созреть и привести экономический базис на уровень развития, достаточный для следующего революционного скачка. Эти страны как будто бы перескакивали капиталистическую формацию, а с ней ставили под вопрос не только сталинскую *пятичленку*, из «Краткого курса» перекочевавшую в каждый учебник, но и общую логику исторической необходимости и марксистской версии прогресса.

Ученики Сидорова предложили на это несколько фундаментальных ответов, которые опирались как на тщательное эмпирическое исследование, так и на ряд теоретических новаций. Они даже выработали необычный для советской идеологической науки историософский язык, который, помимо реинтерпретированных терминов («многоукладность», «неравномерность развития», «азиатский способ производства»), включал несколько ключевых метафор и идиом – «выбор исторического пути» и даже «альтернативы»¹⁸. С известной степенью

18 См.: АТНАШЕВ Т. *Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу*. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

риска можно даже сравнить некоторые аспекты работ Гефтера и Волобуева с современными им алеаторным материализмом Альтюссера, мирсистемным анализом Валлерстайна или концепцией множественной модерности Эйзенштадта.

После двух лет в должности инструктора отдела ЦК Павел Волобуев возвращается в науку и делает последовательную карьеру в Институте истории Академии наук СССР. Он курирует издание многотомной «Истории СССР», в которой участвует и Гефтер, а в 1963 году защищает докторскую о причинах октябрьской революции. К концу 1960-х Волобуев становится известен как один из лидеров «нового направления» в историографии, куда входили, в частности, уже упоминавшиеся Тарновский, Анфимов, Аврех и также Иосиф Гиндин (1900–1980), Виктор Данилов (1925–2004), Леонид Иванов (1909–1972). Сторонники этой неформальной, но влиятельной группы доказывали, что октябрьская революция произошла не как следствие высокой зрелости русского капитализма, но стала продуктом многоукладности российской экономики, которая создала специфический массовый запрос на демократизацию, гениально пойманный Лениным. Напротив, последующей сталинской фазе форсированной индустриализации и централизации Волобуев и коллеги отказывали в столь же объективной неизбежности и указывали на возможные исторические альтернативы¹⁹.

Гефтер выбирает другой путь и другую карьеру. По словам Кожокина, он становится «неполитическим лидером» и центром интеллектуального притяжения для широкого круга ученых-гуманитариев, представляющих разные дисциплины, а также публицистов из «Нового мира». В 1964-м, в год свержения Хрущева с поста Первого секретаря КПСС Гефтер создает в Институте истории свой Сектор методологии истории и ведет постоянный семинар, который в разные годы посещают видные гуманитарии-«шестидесятники»: Владимир Библиер (1918–2000), Арон Гуревич (1924–2006), Александр Некрич (1920–1993), Вячеслав Вс. Иванов (1929–2017), Сигурд Шмидт (1922–2013), Юрий Буртин (1932–2000) и другие. Под руководством Гефтера Сектор методологии и его семинар, где поощрялись свободный интеллектуальный поиск и острые дискуссии, существуют пять лет; в нем успели подготовить две коллективные монографии. При этом изначально вполне марксист-

19 Марквик подробно разбирает политические импликации нового направления в: MARKWICK R. *Op. cit.* P. 99–103. Он показывает, что в рамках этого парадигматического сдвига возможность критики сталинизма как «не неизбежного» этапа социалистического строительства была намечена в середине в 1960-х, на излете оттепели. Полностью эти разнообразие политические валентности метакультуры сталинизма через утверждение альтернативности истории были проявлены уже в ходе перестройки, в том числе в работах самого Павла Волобуева. См.: АТНАШЕВ Т. *Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года*; ВОЛОБУЕВ П. В. *Выбор путей общественного развития: теория, история, современность*. М.: Политиздат, 1987.

ский язык Гефтера с течением времени все усложняется и даже затемняется, пока к концу жизни историка он не стал загадочным и даже пророческим²⁰.

В конце 1960-х Гефтер прямо атакует сталинскую метасхему, «обескровившую историографию», за грубую телеологичность, доказывая центральность выбора и альтернатив не только для объяснения репрессий, но и для анализа предреволюционного периода. Выбор из альтернативных вариантов и создание, нащупывание альтернатив – существо исторического процесса, по Гефтеру. До конца жизни мыслитель-теоретик находится в постоянном интеллектуальном диалоге с Лениным, чьи гибкость и прагматическая готовность искать новые пути исходя из практических задач, могли бы стать импульсом к реальному обновлению советского марксизма. Своей задачей он видит предложить новое прочтение целостной системы ленинской мысли. При этом, как вспоминает Светлана Неретина, на шуточный вопрос «Кто наш Ленин?» сотрудники отвечали: «Это Михаил Яковлевич»²¹.

В сборнике под названием «Историческая наука и некоторые проблемы современности», опубликованном в 1969 году, Гефтер формулирует новое ревизионистское понимание закономерностей как открытого и всегда локального результата борьбы разных возможностей и людей, разных альтернатив:

«Не закономерности плюс отклонения, а закономерности как конфликт и равнодействующая тенденций, заключающих разные возможности исторического движения. Отсюда столь органичное мысли Ленина сочетание полемической заостренности и даже односторонности – нацеленности на определенное действие – с отступлениями и “заделами”, которые содержали в себе и вероятность других, в том числе наименее благоприятных, вариантов развития и как бы проект иного решения тех же проблем и задач, то есть то, что в совокупности составляет философию и методологию исторической альтернативы, без которой нельзя представить себе марксизм XX века»²².

За год до выхода сборника, получившего большой общественный резонанс (включая отзыв главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского) и отчасти потому ставшего причиной особого беспокойства партийных кураторов истории в Отделе науки ЦК, Институт истории был разделен на две части («истории СССР» и «всеобщей истории»). Сектор мето-

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

20 ГЕФТЕР М.Я. *Прощальная запись* // Век XX и Мир. Михаил Гефтер. Аутсайдер – человек вопроса. 1996. № 2. С. 7.

21 MARKWICK R. *Op. cit.* P. 179–183.

22 ГЕФТЕР М.Я. *Страница из истории марксизма начала XX века* // *Историческая наука и некоторые проблемы современности* / Под ред. М.Я. ГЕФТЕРА. М.: Наука, 1969.

ТИМУР АТНАШЕВ
МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

дологии истории был закрыт с формулировкой «по идеологическому несоответствию», сотрудники были распределены по другим отделам. В 1971-м и 1972 годах скандальный сборник и лично Михаил Гефтер были атакованы в журнале «Коммунист», после чего историк не смог больше печататься. В 1976 году он принимает решение уволиться из Института и выйти на пенсию. В 1977-м Гефтер находит способ, как продолжить влиять и думать (полу)публично: он становится одним из сооснователей диссидентского журнала «Поиски». Так сталинист, ленинец и талантливый ревизионист, прямо стремившийся обновить сталинский канон и советский марксизм, в итоге становится диссидентом.

Гефтер находит способ, как продолжить влиять и думать (полу)публично: он становится одним из сооснователей диссидентского журнала «Поиски». Так сталинист, ленинец и талантливый ревизионист, прямо стремившийся обновить сталинский канон и советский марксизм, в итоге становится диссидентом.

Атака на Гефтера, а затем на Волобуева и ряд других коллег была организована Сергеем Трапезниковым, с 1965-го по 1983 год заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Пользуясь личной протекцией и доверием Брежнева, он был известен как консервативный аппаратчик-неосталинист. Современный историк Николай Митрохин выделяет несколько конкурирующих и нестрого оформленных идеологических течений в аппарате ЦК, которым покровительствовали разные члены Политбюро: «русские националисты», «неосталинисты» и «либералы», или «интернационалисты»²³. При этом общую идеологическую линию позднесоветского периода курировал еще один сталинский выдвиженец, «серый кардинал» Суслов. Он был убежденным советским ортодоксом, но старался держать осторожный центристский баланс между разными уклонами. Так Суслов иногда привлекал Волобуева для работы над важными партийными документами в полуофициальном режиме.

Вероятно, благодаря этой поддержке Волобуев успешно переживает разделение Института истории на две части и в 1969 году становится руководителем Института истории СССР. В 1970-м его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР, но с 1971-го сотрудники чувствуют себя «в осаж-

23 Митронин Н. *Back-office Михаила Суслова, или Кем и как производилась идеология брежневского времени* // Cahiers du monde russe. 2013. Vol. 54. № 3-4. P. 409-440.

денной крепости», а уже в 1972-м Отдел науки ЦК КПСС проводит дискуссию о «новом направлении», впервые пытаясь его осудить. По инициативе академика Петра Поспелова в июле 1972 года бюро отделения истории Академии наук СССР приняло постановление с осуждением «нового направления», а в марте 1973-го состоялось совещание в отделе науки ЦК КПСС, на котором «новое направление» было прямо осуждено как «ревизионистское». Трапезников указал на принципиальные несоответствия предлагавшихся подходов основам ленинизма – наиболее острую критику вызвало понятие «многоукладности», подрывающее представление о линейном стадийном прогрессе, а значит – и о благотворности и закономерности социалистической революции в России²⁴.

Трапезников с помощью публичной кампании против «методологических отклонений» переиграл Волобуева, в котором, возможно, видел потенциального конкурента. В результате один из ведущих советских историков потерял руководящий пост и возможность публиковать новые работы. Однако диссидентом он не стал. Любопытно, что даже после перестройки и распада СССР Волобуев остался верным защитником октябрьской революции, которую считал объективно необходимой и благотворной. Гефтер встретил перестройку «бинарным» антисоветским диссидентом, но навсегда сохранил глубокий интерес к мысли Ленина, наследовать которому после 1989–1991 годов требовало определенного мужества. В противовес тезису Юрчака о том, что в постсталинском СССР официальный дискурс больше не обсуждался, а лишь воспроизводился, мы можем отметить, что дискуссии, политические по сути и публичные по форме, продолжались в среде официальных историков, причастных к формулированию идеологием, до 1975 года. Иначе говоря, предполагаемые парадоксом Лефора эффекты на уровне производства дискурса в лучшем случае наступают только через 22 года после смерти Сталина. Но и победившие в этот момент идеологи-консерваторы Суслов и Трапезников конкурировали между собой и оба не были механическими трансляторами, но скорее творческими редакторами позднесоветского неосталинизма.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

ПЕРЕСТРОЙКА. МОМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА И НАУЧНАЯ ИСТИНА

Начало горбачевских реформ в 1985 году и последовавшая вскоре политика гласности позволили Волобуеву и Гефтеру не только снова начать печататься, но и увидеть, как их давно про-

24 Кожокин Е.М. Указ. соч.; *Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым.*

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

работанные и выстраданные идеологические ходы и историософский язык стали важной частью общественной дискуссии²⁵. В первые годы сама новая политика перестройки осмыслилась ведущими публицистами, «прорабами перестройки», как выбор исторического пути и утверждение альтернативности. В целом можно сказать, что концепции Волобуева и Гефтера сыграли – как непосредственно, так и опосредованно – значительную роль в подготовке идеологического месседжа первых лет перестройки. Смелые инновации 1960-х, почти подавленные в 1970-е, вновь оказались востребованы в публичном поле. Оба мыслителя лично включились в общественную полемику перестройки, хотя и не заняли в ней заметного места²⁶.

Общий замысел перестройки был связан с масштабной и смелой (хотя, как покажет дальнейшая история, неудавшейся) попыткой возродить веру в советскую идеологию – обновить и применить официальные формулы всерьез. «Шестидесятник» Михаил Горбачев (1931–2022), в аппаратной борьбе переигравший старшее поколение в Политбюро, стал активно привлекать – как ему представлялось, лучших – специалистов в области экономики и социальных наук для разработки программы реформ, полагая, что свежие кадры и их идейный марксистско-ленинский прогрессизм станут гарантией успеха. Владимир Мау вместе с финским коллегой Пеккой Сутела ретроспективно назвали этот подход «иллюзией объективности», анализируя советскую экономическую политику времен перестройки²⁷. Многие политические тексты, периодические издания и научные статьи эпохи перестройки исходят из того, что научно достоверное знание об истории, экономике и обществе может и должно непосредственно определять направление для эффективной (и предположительно гармоничной) политики. Предполагаемая научность обещала относительно легкое преодоление пугающего разрыва между идеалами и реальностью – разрыва, обусловленного общим перформативным сдвигом 1975–1985 годов.

По словам Валерия Болдина, бывшего помощника Михаила Горбачева (а Болдин ретроспективно не был склонен восхвалять своего начальника), Горбачев, в отличие от своих предшественников и коллег, вообще неплохо знавший классику марксизма-ленинизма, в 1986–1987 годах находился под особым влиянием сочинений Ленина:

25 См.: АТНАШЕВ Т. *Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года*.

26 Впрочем, через десять лет Глеб Павловский, неакадемический ученик Гефтера-диссидента, по-своему продолжит, значительно – часто до неузнаваемости – искажая замысел учителя, но останется верен его убеждению в возможности человека решительно влиять на ход истории. Невидимая цепочка ученичества соединяет Михаила Покровского и Глеба Павловского.

27 SUTELA P., MAU V. *Economics under Socialism: The Russian Case* // WAGENER H.-J. (Ed.). *Economic Thought in Communist and Post-Communist Europe*. London: Routledge, 1998. P. 203–206.

«В течение второго и третьего годов перестройки Горбачев был внезапно захвачен сочинениями В.И. Ленина, в которых он находил полезные для себя высказывания. Бывая в его кабинете, я всегда замечал тома основателя социалистического государства. Он часто брал том и зачитывал вслух отрывки из Владимира Ильича, сравнивал их с современным контекстом и восхищался его проницательностью»²⁸.

Горбачев решил вернуть идеологическую инициативу и контроль за метанарративом в сердце власти, отказавшись при этом от цензуры и репрессий. Он вполне искренне хотел опереться на ленинское наследие и на достаточно широкий круг специалистов, чья легитимность в его глазах также была основана на доверии научному знанию.

Научность понималась по модели точных наук и инженерии. Один из самых известных «прорабов перестройки», историк Юрий Афанасьев, прямо говорит о «социальной инженерии» в 1985 году:

«Прикладное значение истории возрастет, если среди историков укрепится взгляд на историю как на гигантскую лабораторию мирового социального опыта. И, возможно, на рубеже второго и третьего тысячелетия такое, например, словосочетание, как “социальная инженерия”, обретет реальный смысл и будет для нас столь же привычным и понятным, как и биотехнология, геновая инженерия, космонавтика. История принадлежит здесь особая роль»²⁹.

В 1987 году редакторы «Коммуниста» писали о том же, но в более официальном духе:

«Отличительная черта ленинской партии – признание высокой роли научной революционной теории, которая давала большевикам возможность выявить закономерности развития общественной жизни, научно обосновывать и решать новые проблемы, владеть событиями и не допускать того, чтобы события владели ими»³⁰.

Горбачев, предложив новый язык и новые формулы, одновременно поставил «научный поиск истины» выше других критериев в тот момент, когда он с небольшой группой помощников уже готовил радикальную – скорее утопическую, чем научно обоснованную – политическую реформу, которая могла не понравиться большинству в Политбюро. Вероятно, ссылаясь в речи на февральском пленуме ЦК в 1988 году на свободный научный поиск, Горбачев пытался защитить предлагаемые им новшества от партийных консерваторов. В те годы он в самом деле поощрял *свободное соревнование умов* и советовался

28 Болдин В. *Крушение пьедестала*. М.: Республика, 1995. С. 132.

29 Афанасьев Ю. *Прошлое и мы* // Коммунист. 1985. № 14. С. 116.

30 *Партия революции и созидания* // Коммунист. 1987. № 14. С. 5.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

с лучшими учеными-экспертами, включая Абеда Аганбегяна (р. 1932), Татьяну Заславскую (1927–2013) или Егора Гайдара (1956–2009), бывшего в то время заведующим отделом экономической политики журнала «Коммунист»:

«Нет и не может быть никаких ограничений подлинно научного поиска. Вопросы теории не могут и не должны решаться никакими декретами. Нужно свободное соревнование умов. От этого только выиграет наша общественная мысль, умножится ее прогностическая сила, а значит – способность служить надежной основой для выработки политики партии»³¹.

* * *

Подводя итог, я хотел бы привести цитату Алексея Юрчака об отсутствии регуляторов метадискурса, высказывание, которое, как нам представляется, требуют уточнения или даже ревизии:

«[После смерти Сталина] верность любого идеологического высказывания теперь определялась не мнением внешней фигуры, а некими “объективными законами” – законами, которые заранее не были известны и которые еще только предстояло открыть... В результате исчез публичный метадискурс, который ранее осуществлял подобную оценку идеологических текстов и делал к ним комментарии... Единственной публично видимой позицией теперь была позиция не автора идеологического языка, а его *ретранслятора* – то есть позиция человека, который лишь повторяет предыдущие авторитетные высказывания, не создавая новых»³².

Предположение Клода Лефора, что научная и публичная дискуссия не может обосновать базовые положения дискурса и может быть источником метадискурса, я хотел бы скорректировать более оптимистическим модернизмом Хабермаса. Как показывает история Михаила Гефтера, Павла Волобуева, Михаила Сулова, Сергея Трапезникова и многих других, в эпицентре производства и контроля метадискурса речь не шла о тавтологическом повторении и ретрансляции, но скорее об инновациях, о конкуренции различных идеологических линий – наконец, о временами открытой *публичной полемике* о ключевых аспектах официального советского мировоззрения. Именно эта не идеальная, но содержательная полемика в сочетании с аппаратной борьбой и порождала метадискурс, включавший свежее прочтение устоявшихся концепций (например «мирное сосуществование») и разработку новых идеологем – таких, как

31 Горбачев М. *Речь на пленуме ЦК, 18 февраля* // Коммунист. 1988. № 4. С. 9.

32 Юрчак А. *Указ. соч.* С. 107–108.

«развитой социализм», «выбор пути» или «революционная перестройка». В этом смысле мне кажется важным дополнить в целом, безусловно, ценную и продуктивную аналитическую рамку перформативного сдвига «семидесятников» другой историей и другой логикой состязательной борьбы людей, которые всерьез воспринимали и оспаривали констатирующие утверждения друг друга. «Последнее советское поколение» формировало свою вневходимую субъектность в стране, где спорили и боролись за влияние «шестидесятники» и предшествующее им поколение «выживших победителей».

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

**«Последнее советское поколение» формировало
свою вневходимую субъектность в стране, где
спорили и боролись за влияние «шестидесятники»
и предшествующее им поколение «выживших
победителей».**

Распад СССР был обусловлен не только перформативным сдвигом и ритуальным повторением формул, но и верой Горбачева и части его большой команды реформаторов в действенность ленинского наследия, полемики и научного знания об обществе как инструмента гуманистической и эффективной социальной инженерии. Без этой искренней убежденности «шестидесятников» в содержательной правильности советского марксизма и в его научном характере они вряд ли пошли бы на столь радикальные и опасные реформы. Это была попытка реванша за прежнее поражение от искренне убежденных, но более догматичных выдвиженцев «революционного поколения». Впрочем, победителями оказалось последнее советское поколение, которое научилось творчески наполнять позднесоветские ритуалы и идеологемы неосталинизма собственным содержанием.